

28. 9. Леля снова пошли в Дарницу, понесли еду и собранные подписи. А мы пошли на Соломенку. Именно там увидели мы синие немецкие приказы без названий и подписи, по которым все евреи города Киева и его окрестностей должны явиться 29 сентября на Лукьяновское кладбище.

А вечером нам сказали, что командарм нашей армии Кирпонос и секретарь ЦК Бурмистренко покончили с собой, видя безвыходное положение наших войск в кольце у Киева.

30 сентября 1941 г.

Мы все еще не знаем, что сделали с евреями. Страшные слухи доносятся с Лукьяновского кладбища. Но до сих пор невозможно им поверить. Говорят, что евреев расстреливают. Те, кто провозжал их до пункта, куда было приказано явиться; видели, что все евреи проходят сквозь строй немецких солдат, бросают все вещи, а их самих гонят немцы дальше.

Вчера умерла старуха Скринская. Бегали за гробом, за разрешением хоронить. И с большим трудом гроб достали только сегодня, потому что вчера и сегодня массовые случаи самоубийств евреев, и есть якобы приказ коменданта города их в первую очередь хоронить.

Вчера же Скринские ходили на Лукьяновское кладбище (на Байковом немцы запрещают хоронить). Дойти до кладбища обычным путем нельзя. Вся дорога запружена евреями, окруженными немецкими солдатами. А на кладбище идут мимо тюрьмы. Там пробили дыру в заборе и носят покойников с той стороны. Там, с другой стороны русского кладбища, тихо. Когда были там, они слышали беспрерывную пулеметную стрельбу со стороны еврейского кладбища.

Одни говорят, что евреев расстреливают из пулеметов, расстреливают поголовно. Другие говорят, что для них приготовили шестнадцать эшелонов и будут отправлять. Куда? Никто не может ответить. Наверное известно одно: у них забирают все документы, вещи, продукты. Потом гонят к Бабьему яру и там... Не знаю, что там. Одно знаю -- происходит что-то ужасное, страшное, что-то невообразимое, чего нельзя ни понять, ни осознать, ни объяснить.

2 октября 1941 г.

Уже все говорят, что евреев убивают. Нет не убивают, а уже убили. Всех, без разбора, стариков, женщин, детей. Тех, кого в понедельник возвратили домой, расстреляны уже тоже. Так говорят, но сомнений быть не может. Никакие поезда с Лукьяновки не отходили. Люди видели, как везли машины теплых платков и других вещей с кладбища. Немецкая "аккуратность". Уже и рассортировали трофеи!

Одна русская девушка проводила на кладбище свою подругу, а сама через забор пробралась с другой стороны. Она видела, как раздетых людей вели в сторону Бабьего яра и слышала стрельбу из автомата.

Эти слухи-сведения все растут. Чужовищность их не вмещается в наши головы. Но мы вынуждены верить, так как расстрел евреев -- факт. Факт, от которого мы все начинаем сходить с ума. И жить с сознанием этого факта невозможно.

Женщины вокруг нас плачут. А мы? Мы тоже плакали 29-го сентября, когда думали, что их везут в концлагерь. А теперь? Разве возможно плакать?

Я пишу, а волосы шевелятся на голове. Я пишу, но эти слова ничего не выражают. Я пишу потому, что необходимо, чтобы люди мира знали об этом чудовищном преступлении и отомстили за него.

Я пишу, а в Бабьем яру все продолжается массовое убийство беззащитных, ни в чем неповинных детей, женщин, стариков, которых, говорят, многих зарывают полуживыми, потому что немцы экономны, они не любят тратить лишних пуль.

Проклятая синяя бумажка, давит на мозги, как раскаленная плита. А мы абсолютно, абсолютно бессильны!..

А на Бабьем яру, выходит, правда, продолжают расстрелы, убийство невинных людей.

Было ли когда-либо что-либо подобное в истории человечества? Никто и придумать не смог бы ничего подобного. Я не могу больше писать. Нельзя писать, нельзя пытаться понять, потому что от сознания происходящего мы сходим с ума. И никакой никому от этого пользы, никому никакой... Без конца через город гонят пленных. Евреев гонят раздетыми. Их убивают, если они попросят воды или хлеба.

Вот и все. А мы живем еще. И не понимаем, откуда у нас вдруг появилось больше прав на жизнь, потому что мы не евреи.

Проклятый век, проклятое чудовищное время!

6 октября 1941 г.

Вчера утром впервые с восемнадцатого числа загудел гудок какого-то завода. Сегодня он слышен отчетливо и продолжительно. Очевидно, немцы начинают вытягивать из населения какую-то жизнь.

Вчера вечером появилась вода.

Да, так, очевидно, устроена жизнь в оккупированном городе. Война отодвинулась на несколько шагов, и жизнь уже начинается снова. И все идет каким-то своим чередом. И кто-то будет продолжать жизнь, несмотря на то, что на Лукьяновское кладбище все ведут и ведут евреев. И жизнь все равно продолжается, хотя вчера по нашей улице провели пленных и шесть трупов осталось лежать на мостовой.

Все ли убитые евреи? Лица двух из них видны. Трудно сказать, кто они. Полураздетые, босые, с прозрачными заросшими лицами, со страшными худыми руками. Никто из родных не узнает, как они погибли.

Вели пленных в течение часа. Та же картина, которую видели в Дарнице. Худые, черные, заросшие, грязные, с голодными, отсутствующими глазами.

Женщины выносили воду и сухари. А пленные, набрасывались на них, сбивали с ног друг друга и женщины, вырывали сухари из рук, дрались за сухари.

Все плакали вокруг. А немелкие конвойные со звериными лицами били пленных палками и резиновыми дубинками. Пленные шли без конца. Их было несколько тысяч в этот день. А женщины все несли и носили воду и сухари, которыми все равно невозможно было даже немного накормить этих голодных.

Потом пленные перестали идти по нашей улице. Мы остались и шесть трупов осталось. Это только на нашей улице. А ведь они прошли уже много верст. Удалось спросить. Это те пленные, что шли тогда в Дарницу из Броваров.

Вчера принесли страшные вести о пленных. Рассказывают,

что и теперь в ледяные ночи они остаются под открытым небом. Они стоят, прижимаясь друг к другу, качаются, чтобы согреться, и воют. От этого вся люди, живущие вблизи от лагеря, сходят с ума. А утром сотни человек выносят мертвыми из лагеря.

Ну, а жизнь идет своим чередом.

Киев так же красив, как и прежде, особенно от того, что наступила золотая осень. И там, где город цел, кажется, что вовсе нет и не было войны.

Стоят ясные осенние дни, и медленно тянутся в воздухе серебристые нити бабьего лета.

Тихо в городе, совсем как в деревне. Только шумят немецкие машины на некоторых улицах. Ни радио, ни трамваев, ни поездов, ни заводов. Никаких городских шумов. Изредка пролетит немецкий самолет. Они летают теперь очень низко.

Немцы чинят Соломенский мост. Говорят, работает две бани. Купить ничего нельзя. Крестьяне в три дорогах берут за свои продукты, меняя их на матерью или ботинки. Вчера в каких-то магазинах будто бы продавали синьку и спички.

Бывшие базары пропахлись одеколоном. Это пьяницы платят по 50 руб. за флакон цветочного одеколона и пьют его вместо водки.

Хлеба нет. Сухари кончаются. Переходим на голодный паек. Нас беспокоит этот вопрос. Зато как уже безразличен он тем, кто на Луньяновском кладбище!

6 октября, 8 ч. вечера

Бродя по городу, вышли на Крещатик.

Мы думаем, что уже ничто не может потрясти нас. И стоим.